

— Это был его собственный выбор, — сказал Фэн Цяньсюэ. — После того как Чжучжао был укрощен, дух меча непрестанно скитался между небом и землей. И праведные ордены, и последователи темного пути — все жаждали завладеть им, и различные силы долгие годы вели тайную борьбу. Однако более десяти лет назад одной тихой ночью дух меча бесшумно проник на задний двор поместья Се, нашел твои духовные жилы и полностью слился с ними.

Се Жэнь снова бросил взгляд на пламя в своей ладони. Вот оно что.

Фэн Цяньсюэ немного подождал и сам спросил:

— Почему ты не спросишь, откуда мне всё это так хорошо известно?

— И откуда же тебе всё это так хорошо известно? — послушно переспросил Се Жэнь.

— А я пока не хочу говорить, — ответил Фэн Цяньсюэ.

Се Жэнь поперхнулся:

— ...Зачем тогда просил спросить?

У Фэн Цяньсюэ имелись веские основания: вполне очевидно, что ты рано или поздно спросишь. Так почему бы не спросить раньше, чтобы я мог раньше отказать? Это куда лучше, чем постоянно тревожиться в поисках отговорок.

Се Жэнь с восхищением подумал: «Твоя конспирация оставляет желать лучшего — ты даже не удосужился придумать хоть какую-то отговорку».

Но как бы то ни было, дух меча Чжучжао звучал куда надежнее, чем бредовые мысли о «перерождении владыки демонов», так что Се Жэнь весьма легко принял свой новый статус. Что же до того, потребует ли владыка Яоцюэ в будущем дух меча назад... Ну, раз уж он слился с его жилами, значит, теперь это принадлежит ему. Если вцепиться зубами и не отдавать, то даже если явится сам Владыка Небес, ничего у него не выйдет.

Пока он размышлял об этом, таящаяся в духовных жилах сила снова пришла в движение, и ладонь ощутимо нагрелась.

— Тебе не по себе? — спросил Фэн Цяньсюэ.

— Нет, — ответил Се Жэнь. — Кстати, Ли Хуань, похоже, собирается на пик Хоянь.

Того деревянного связного воробья отправила Ли Юнь. В послании говорилось, что путь на пик Хоянь таит немало опасностей и Ли Хуань, как и подобает, должен стать примером для остальных учеников. Поэтому после решения дел на море Байша ему велели без промедления спешить на запад для воссоединения.

— Пойдем вместе, — сказал Фэн Цяньсюэ. — Пик Хоянь объят бушующим морем огня, это может пойти на пользу твоим тренировкам. А что до сбежавшей несколько дней назад головы — точное ее местонахождение сейчас не определить, так что не стоит попусту тратить время.

Се Жэнь кивнул:

— Тогда выдвигаемся сегодня вечером.

Вернувшись в комнату, Фэн Цяньсюэ достал из рукава кошелек с деньгами и протянул его:

— Держи.

— Зачем? — не понял Се Жэнь.

Фэн Цяньсюэ указал на кузнечика из травы:

— Это новогодние деньги, которые заработал сынок. Раз уж он взял твою фамилию, то тебе их и хранить.

У Се Жэня потемнело в глазах:

— Постой, мы же просто шутили! Ты ведь не рассказал своему шисюну про Се Дашэна?

— Угу, я представил его, — ответил Фэн Цяньсюэ.

Се Жэнь схватился за стол, чувствуя, как бессмертная обитель Циньай становится от него еще дальше. Он был всего лишь юношей, только-только вступившим в большой мир: ни связей, ни денег. Навыки, бывшие лучшими в академии Чанцэ, в мире заклинателей казались совершенно ничтожными. Разве что дух меча в теле звучал хоть немного солидно, но до знаменитого высшего бессмертного Цюньюй ему всё еще оставалось расти и расти — добрых сотню тысяч ли. А ведь он планировал предстать перед шисюном Му степенным и надежным! И вот пожалуйста: не прошло и полдня, как его вернули к истинному облику дурачка, играющего в дочки-матери с соломенным кузнечиком. От досады даже слова застряли в горле.

Фэн Цяньсюэ не совсем понял причину его немоты:

— Ты тоже считаешь, что наш сын уродлив и его стыдно показать людям?

Се Жэнь не знал, плакать ему или смеяться. Дело ведь вовсе не в том, красив он или нет — пусть хоть небесного бессмертного из травы сплети, сути это не изменит!

Фэн Цяньсюэ допытывался:

— Почему?

На этот раз Се Жэнь не стал взывать к разуму, а зашел с другой стороны:

— С чего ты взял, что это сын? А если дочка? Посмотри на губы — такие красные! Так что держать ее надо в девичьем покое. Разве можно вот так запросто показывать ее каждому встречному?

Фэн Цяньсюэ взглянул на «любимого сына» (или все-таки «любимую дочку?»), висевшего у изголовья кровати, и подумал: вытребую-ка я сначала у учителя и старшего шисюна по мешочку с деньгами, а уже потом обсудим девичий покой.

Се Жэнь перешел к следующему важному вопросу:

— А твой шисюн спросил, откуда у нас вообще взялся сын?

— Спросил, — ответил Фэн Цяньсюэ.

Сердце Се Жэня заколотилось быстрее:

— И что ты ответил?

Фэн Цяньсюэ отвел взгляд:

— Я сказал шисюну, что в академии Чанцэ есть красивые качели, поэтому я не собираюсь возвращаться.

Се Жэнь опешил:

— А?

Фэн Цяньсюэ бросил ему подушку, которую держал в руках:

— Собирай вещи.

— Эй, подожди! Что за фраза без начала и конца? Кто ж заводит ребенка из-за каких-то качелей, тут же никакой логики! Твой шисюн наверняка спросил что-то еще! Как ты обо мне рассказал? А о нас обоих? Эй, А-Сюэ, А-Сюэ, не уходи! Вернись, А-Сюэ...

Он прижался к двери и жалобно протянул, состряпав обиженную физиономию брошенного бедняжки. Однако настоящий бессмертный на капризы не оглядывался. Зато поднимавшиеся вместе по лестнице Ли Хуань и Мо Чи в ужасе отшатнулись на три шага и тут же заявили, что скидываться надо не на выкуп, а на изгнание бесов.

Се Жэнь обнял их за плечи:

— Вы что, правда не замечаете, как мне в последнее время улыбается удача?

— Удачи мы что-то не заметили, — ответил Ли Хуань. — Зато ты выглядишь так, будто твою голову зажало дверью.

Отсюда мораль: не стоит влезать в долги, а то посмотри, до чего человека довело.

Эх, бедолага.

Пик Хоянь располагался на северо-западе. Свирепые порывы ветра подхватывали желтый песок и искры, покрывая трещинами выжженную бесплодную равнину на тысячи ли вокруг; здесь днями напролет не выпадало ни капли дождя. Под землей бурлила магма, а пламя огненным драконом обвивало исполинскую гору, докрасна раскаляя обнаженные кристаллы. Издалека они походили на зловещие пылающие деревья демонов.

Раньше лес Хошу у горы Тешань казался опасным, но по сравнению с настоящим пиком Хоянь то было чистое ребячество, даже не стоящее упоминания.

В тот день под вечер, хлопая крыльями, прилетел еще один деревянный связной воробей.

— Что там? — спросил Фэн Цяньсюэ.

Се Жэнь быстро пробежал глазами текст:

— Это от даоса Тяня. Он пишет, что благополучно добрался до хребта Сюньсянь и собирается уйти в медитацию для исцеления ран, а к письму приложил руководство по стрельбе из лука.

— Какое руководство? — проявили любопытство остальные двое, подсаживаясь ближе.

Тянь Уцзи, еще находясь в картина из шелка цзяо, заметил в мешочке цянькунь Се Жэня канон

«Цюэюэ цзюэ» — руководство по стрельбе из лука, передававшееся более трехсот лет. Видя, что юноша интересуется этим искусством, он перед уходом в медитацию подробно записал свои многолетние знания об обращении с длинным луком Чжужи, выражая тем самым благодарность группе Се Жэня за спасение.

Ли Хуань вспомнил про «Цюэюэ цзюэ»:

— Та древняя книга, которую господин Чжу просил меня передать тебе?

— Да, — сказал Се Жэнь. — Одно время мне постоянно снилось, как я стреляю из лука среди снегов. Просыпался в полном недоумении и решил найти книги о стрельбе, вот и попросил у учителя целый ворох.

Однако теперь, зная, что в его духовных жилах скрыт дух меча Чжучжао, он понимал: появлявшийся во снах длинный лук Юин, скорее всего, тоже был связан с этим. Ничего особенного. Он бегло пролистал присланное Тянь Уцзи руководство и спросил:

— Кто-нибудь хочет почитать?

Ли Хуань и Мо Чи к лукам были равнодушны, поэтому, позевывая, разошлись по своим комнатам спать. Фэн Цяньсюэ остановился у стола:

— Почему в последнее время ты всегда снимаешь четыре комнаты?

— В этих краях кровати узкие, боялся, что потесню тебя и тебе будет неудобно, — Се Жэнь убрал руководство, снова повесил Се Дашэна с его Пламенными Алыми Губами у изголовья кровати Фэн Цяньсюэ и ухмыльнулся: — Всё, теперь с тобой сынок. Ложись спать пораньше, завтра вставать ни свет ни заря.

Сам Се Жэнь раньше не умел вести хозяйство, но, как говорится, на каждого умельца найдется свой мастер: судьба свела его с Фэн Цяньсюэ, который вовсе пальцем о палец не ударял для бытовых нужд и, пожалуй, понятия не имел, с какой стороны подступиться к уборке. Так что младшему господину Се поневоле пришлось раскрыть в себе талант к заправке постели. Аккуратно разложив для любимого нефритовые подушки и валики, он вернулся в соседний номер, наскоро умылся и, даже не взбив одеяло, рухнул на кровать, моментально провалившись в сон от усталости.

А что до причины такой вымотанности...

В полночь две духовные монеты у изголовья кровати с тихим стуком столкнулись. Се Жэнь мгновенно очнулся ото сна, взглянул на ночное небо за окном, подхватил меч Сяояо и покинул постоялый двор. Городок, где они остановились, не отличался пышностью, и за его пределами хватало пустырей. Найдя самое просторное и ровное место, он взмахнул кистью — и длинный меч снова вспыхнул огнем.

<http://bllate.org/book/18374/1766342>